

ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

А. Н. ГАЛЯМИЧЕВ

ЯН ГУС В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ ЕВРОПЫ¹

Задача статьи – проследить, каким образом и под влиянием каких факторов изменялось восприятие жизни, деятельности и наследия Яна Гуса в странах Европы на протяжении шести столетий после его трагической гибели 6 июля 1415 г.: в эпохи Возрождения, Реформации, Контрреформации, Просвещения, романтизма. Особое внимание уделяется освещению восприятия наследия Гуса в чешской исторической и общественной мысли XIX – начала XXI в.

Ключевые слова: Ян Гус, память, гуситское наследие, историческая мысль Европы.

---

6 июля 2015 г. исполнилось 600 лет со дня трагической гибели Яна Гуса, что заставляет обратиться к осмыслению феномена этой во многих отношениях уникальной исторической личности.

Несомненно, что Ян Гус принадлежит к числу самых известных личностей во всемирной истории. Едва ли в нашей стране найдётся сегодня человек, которому бы осталось неизвестным это имя. Каждый из нас знакомится с ним в школьные годы, и это определяет основные черты его образа: трудно в юношеском возрасте не проникнуться уважением к мужественному борцу за правду, который не отступился от своих убеждений, находясь перед угрозой мучительной смерти, и встретил её с достоинством, поразившим всех очевидцев жестокой расправы.

Отцы Констанцкого собора, принимая решение о сожжении Гуса на инквизиционном костре, надеялись, что вместе с пеплом, сброшенным с места казни в воды Рейна, уйдёт в небытие память о непокорном еретике из славянской страны. Хронист Лаврентий из Бржезовой писал: «После его сожжения, чтобы не сохранилось на земле никаких от него останков, даже самый прах его брошен был для унижения богемцев в поток Рейна, протекающего там невдалеке»².

Однако история распорядилась иначе. Молва о Констанцском костре достигла не только Чехии, где вызвала взрыв негодования, но разошлась по всем странам Европы, и даже там, куда прежде не доходили

---

¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором на научно-методологическом семинаре Саратовского отделения Общества интеллектуальной истории, который состоялся 21 мая 2015 г. в Институте истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

² Лаврентий из Бржезовой. 1962. С. 34.

сообщения о его смелых выступлениях против злоупотреблений и пороков церкви, имя Гуса приобрело известность.

С тех пор образ Гуса живёт самостоятельной жизнью, обретая в глазах новых поколений новые грани. Для чешских гуситов он был святым, вера в правоту которого помогла им выстоять в самые отчаянные моменты пятнадцатилетнего противостояния маленькой страны объединённым силам феодально-католической Европы. Лаврентий из Бржезовой писал: «В 7-й день месяца июня, а это был 6-й день недели после дня св. Бонифация, в 11 часов совершенно затмилось солнце, так что нельзя было совершать богослужение без свечей. Это был знак того, что затуманилось солнце правды – Христос – в сердцах многих прелатов, злопыхавших против магистра Иоанна Гуса, вскоре после этого осуждённого собором на умерщвление»³.

Многие итальянские и немецкие гуманисты XV века не разделяли мнения гуситов о святости магистра Яна Гуса, оставаясь в лоне католической церкви, однако не могли не восхищаться мужеством чешского мыслителя, силой его духа. Например, итальянский писатель-гуманист Эней Сильвий Пикколомини (папа Пий II), автор «Истории Богемии», писал о том, что Гус шёл на костёр, как на пир, и принял смерть с большей смелостью, чем древние философы⁴. Немецкий поэт-гуманист Конрад Цельтис, посетив Прагу, обращался к римскому папе с вопросом:

Заживо слёзною жертвой в огне ты сгораешь, и душу
Церберу-псу отдают, чтобы её он пожрал.
Храмы богемцев, однако, блистая величием, славят
Подвиг что ты совершил, Богу вверяя тебя.
Всё это мне объясни, чтобы правду узнал наконец я,
Ты, святейший отец, курии Римской глава⁵.

Таким образом, уже в первые десятилетия после гибели Гуса осознание незаурядности его личности и места в истории стало выходить за рамки Чехии и его непосредственных последователей в вопросах вероучения.

Мощный импульс интересу к наследию Гуса за пределами Чехии дали события Реформации в Германии – той стране, где события гуситского движения оставило глубокий и далеко не всегда светлый след. Гуситская эпоха обернулась для немецких земель тяжёлыми военными поражениями и опустошениями, которые сопровождали заграничные походы гуситов: последние предпринимались не только для пропаганды гуситского учения, но и с целью насильственного умиротворения

³ Там же. С. 32.

⁴ Шафф 2009. С. 251.

⁵ Конрад Цельтис. 1990. С. 257-258.

немецких князей – участников крестовых походов против гуситов, а также ради захвата военной добычи.

Определяющее влияние на характер восприятия наследия Гуса в Германии имел знаменитый Лейпцигский диспут 1519 г., в котором искусный полемист, сторонник официальной церкви магистр Иоганн Экк пытался доказать ошибочность богословских взглядов приобретающего всё большую известность, смелость и решительность Мартина Лютера.

Разрабатывая план действий, Экк, по своему обыкновению, заранее расставил для оппонента логическую ловушку: показав сходство высказываний Лютера со взглядами осуждённого столетием ранее Констанцским собором Яна Гуса, он надеялся заставить Лютера признать себя побеждённым. Однако испытанный тактический приём не принёс на этот раз ожидаемого эффекта. Напротив, он способствовал ещё более чёткому, чем прежде, оформлению реформационного учения Лютера. Он решительно заявил: «Среди утверждений Иоанна Гуса и гуситов есть много подлинно христианских и евангельских, которые вселенская церковь не может подвергать проклятию»⁶. В дальнейшем Лютер занялся специальным изучением трудов Гуса и пришёл к выводу о том, что «мы все гуситы, не зная этого. Павел и Августин также гуситы»⁷.

Прямые параллели между судьбами Гуса и Лютера, объявленного Вормским рейхстагом 1521 года вне закона и нашедшим убежище в уединённом замке саксонского курфюрста Фридриха Мудрого, где он занялся переводом Библии на немецкий язык, способствовали появлению знаменитой легенды о пророческих словах Яна Гуса, будто бы произнесённых им на Констанцском костре своим палачам: «Сегодня вы зажариваете гуся, но ровно через сто лет с севера прилетит прекрасный лебедь, справиться с которым вам будет не под силу».

Важная роль в утверждении почитания Гуса немецкими протестантами принадлежит видному деятелю Реформации Иоганну Агриколе, сопровождавшему Лютера на Лейпцигский диспут. По предложению Лютера он в 1537 г. перевёл с чешского языка четыре письма Гуса и написал «Изыскание о Яне Гусе», а в 1538 г. – пятиактную драму «Трагедия Яна Гуса»⁸. Образ Гуса как предшественника Лютера был запечатлён во многих трудах историков-протестантов; из них наиболее известны работы знаменитого Матвея Власича, главного создателя «Магдебургских цензур», и Павла Странского – историка и публициста Общины чеш-

---

⁶ Соловьёв 1984. С. 143.

⁷ Цит. по: Аугамбаев 1997. С. 74.

⁸ См.: Там же. С. 77-78.

ских братьев⁹, представители которой (в том числе епископ общины Ян Амос Коменский) занимали видное место в интеллектуальной жизни протестантской Европы времён Тридцатилетней войны.

Вторая половина XVII – начало XVIII в. стали временем некоторого угасания интереса к личности и деятельности Яна Гуса в странах Европы. Главной причиной были успехи Контрреформации, в особенности – наступление т.н. «эпохи тьмы» в чешской истории. «Эпохой тьмы» принято называть время, наступившее вслед за подавлением восстания чешских сословий 1618–1620 гг. Оно было отмечено суровыми гонениями на чешских протестантов, заставившими одних из них навсегда покинуть родину, других – вернуться в католичество. «Эпоха тьмы» была временем, когда римско-католическая церковь и Габсбурги ставили перед собой задачу не только искоренить дух религиозного свободомыслия в чешских землях, но и уничтожить сам чешский язык как носитель гуситской ереси: все книги на чешском языке, как печатные, так и рукописные подлежали уничтожению. Над решением этой задачи особенно усердно работали члены ордена иезуитов, и весьма преуспели в этом деле. Самый знаменитый из них, Антонин Кониаш, по его собственным словам, сжёг 30 тысяч книг, из них не менее половины — на чешском языке¹⁰.

Возрождение интереса к наследию Яна Гуса было связано с эпохой Просвещения, когда в странах Европы, в т.ч. католической, прежде всего во Франции, формировался новый взгляд на всемирную историю, свободный от конфессиональной ограниченности и религиозной нетерпимости. Имя Яна Гуса находит себе место в ряду выдающихся поборников освобождения разума, сеятелей Просвещения на страницах «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. д'Аламбера¹¹, «Очерка истории развития человеческого разума» Ж.А. Кондорсе¹², историко-философского труда немецкого

⁹ См.: Косминский 1963. С. 99; Stránský 1634.

¹⁰ История Чехии 1947. С.

¹¹ В энциклопедии говорится о кальвинистском женевском духовенстве, что в ответ на обвинения Кальвина в жестокой казни Сервета за инакомыслие «они вовсе его не защищают, считая, что Кальвин поступил очень дурно, и довольствуются (если беседуют с католиком) сопоставлением казни Сервета с ужасной Варфоломеевской ночью, которую всякий честный француз хотел бы ценой своей крови стереть из нашей истории, и с казнью Яна Гуса, которую даже католики, как они говорят, не берутся больше оправдывать, ибо там было произведено насилие равно над человечностью и над доверием, и она должна покрыть вечным позором память императора Сигизмунда» (История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. 1978. С. 232).

¹² Говоря о великом значении изобретения книгопечатания в истории человечества, Кондорсе писал о том, что Лютер выступил против римско-католической церкви в принципиально новых условиях: «Условия борьбы были не таковы, как во времена альбигойцев или Яна Гуса, учение которых, неизвестное за пределами их церквей,

просветителя И.Г. Гердера¹³. А.Н. Радищев, находясь в сибирской ссылке, сравнивал Гуса с Галилеем, видя в нём мыслителя, надолго опередившего своё время и ставшего жертвой невежества и мракобесия¹⁴.

Основой представлений образованных европейцев середины XVIII — первых десятилетий XIX в. стали труды французского историка-протестанта Ж. Ланфана¹⁵, нашедшего в последние годы жизни приют при прусском королевском дворе. Он был точкой опоры для Жорж Санд, в известных романах которой «Консуэло» и «Графиня Рудольфштадт» гуситская тема составляет одну из главных сюжетных линий¹⁶. На его материалы опирался и французский мыслитель-социалист и историк Луи Блан в своём знаменитом труде «История французской революции», когда обосновывал мысль о том, что учение Яна Гуса, выражая идею братства, было явлением гораздо более прогрессивным, чем лютеранство с индивидуализмом как внутренним идейным стержнем. Оно, по мысли Луи Блана, намного опередило своё время, и является непосредственным предшественником социалистических учений современности¹⁷.

В середине XIX в. о своём праве на наследие Яна Гуса в полный голос заявила чешская общественная мысль, подводя итоги Чешского Национального Возрождения, которое началось на рубеже XVIII–XIX вв. с возрождения литературного чешского языка, интереса к национальной истории и увенчавшегося созданием выдающихся произведений национальной литературы и искусства, вошедшими в сокровищницу мировой художественной культуры. Выдающимся памятником культуры Чешского национального Возрождения является монументальный труд основоположника чешской исторической науки Франтишека Палацкого «Исто-

---

было так легко оклеветать. Немецкие книги новых апостолов проникали одновременно во все уголки империи, между тем как их латинские книги пробуждали всю Европу от позорного сна, в который суеверие её повергло» (Кондорсе. 1936. С. 137-138).

¹³ «Реформация обнаружила во всех странах семена всё тех же учений, оставалось только вдохнуть в них новую жизнь. Виклиф в Англии оказывал то же влияние на лоллардов, что Гус на чехов, — Богемия, у которой был один язык с болгарями, была издавна усеяна подобными благочестивыми сектами. Росток истины, решительной ненависти к суевию, к поклонению перед человеком, к высокомерному и бездуховному духовенству церкви уже не растоптать» (Гердер 1977. С. 599)

¹⁴ А.Н. Радищев писал: «Редко возмогает тот или другой вознестися превыше своего времени, превыше окружностей своих», потому что если почва для появления великого человека не «уготовлена», то «Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг наш в Илимск заточается. Но время, уготовление, отъмлет все препоны» (Радищев 1938. С. 129).

¹⁵ L'Enfant J. 1714. V. 1-2; L'Enfant J. Amsterdam, 1731.

¹⁶ См.: Реизов 1970. С. 249-265; Галямичев 2011. С. 434-441.

¹⁷ Блан 1907. Т. 1. С. 5-7, 10-19.

рия чешского народа», на страницах которого гуситское движение выступает в качестве кульминации национальной истории, а Гус – как её идеальный герой, личности, в которой нашли наиболее полное воплощение черты чешского народного духа. Гус у Палацкого – носитель исконных духовных начал, свойственных, как полагал историк, чешскому народу, с древнейших времён сохранявшему твёрдую приверженность идеалам свободы, братства и демократии. Обращаясь к религиозным взглядам Гуса, протестант Палацкий не пытается представить его предшественником протестантизма, а видит в нём искреннего поборника возрождения изначальной чистоты христианской церкви, и в этом смысле в равной степени близкому всем своим соотечественникам – как протестантам, так и католикам, составлявшим огромное большинство в Чехии XIX в.¹⁸ Этот образ Яна Гуса на долгие десятилетия стал определяющим для чешского национального самосознания, послужив источником его художественного воплощения в драматургии Йозефа Каэтана Тыла, исторической прозе Алоиса Ирасека, музыке Б. Сметаны, знаменитом полотне Вацлава Брожика «Ян Гус на Констанцском соборе»¹⁹.

Фигура Гуса вызвала в XIX в. пристальный интерес общественной мысли России, особенно славянофильского направления, представители которого увидели в Гусе не только сторонника идеи славянской взаимности, но и поборника возвращения чехов в лоно православия, принесённого в чешские земли святыми Кириллом и Мефодием ещё в IX в. Такое истолкование духовного наследия Гуса нашло свое крайнее выражение в обращённых к чешскому народу призывах воссоединиться с православной церковью и русским народом. Такой призыв звучит в стихотворении Ф.И. Тютчева «Чехам от Московских славян», написанном в 1869 г. к Славянскому съезду, который проходил в Москве под знаком празднования 500-летия со дня рождения Яна Гуса²⁰. В следующем, 1870 году, этот призыв вновь прозвучал в стихотворении Тютчева «Гус на костре»:

«О, чешский край! О род единокровный!
 Не отвергай наследья своего!
 О, доверши же подвиг свой духовный
 И братского единства торжество!
 И, цепь порвав с юродствующим Римом,
 Гнеущую тебя уж так давно,
 На Гусовом костре неугасимом
 Расплавь её последнее звено»²¹.

¹⁸ См.: Machovec. 1953. S. 303-313.

¹⁹ Ibid. S. 313-324, 328.

²⁰ Тютчев 1987. С. 246-247.

²¹ Там же. С. 253-254.

Впрочем, такое понимание сущности учения и деятельности Яна Гуса не только не нашло отклика в Чехии, но и подверглось критике в России, в т.ч. – в трудах православных историков церкви.

В нашей стране, как и в других европейских странах, по мере приближения к рубежу XIX и XX вв. всё больше сторонников приобретала та точка зрения, что место Яна Гуса во всемирной истории определяется не его церковно-реформационным учением, а нравственным содержанием жизни и деятельности, примером безупречной честности, искренности в стремлении к познанию истины и мужестве в её отстаивании перед лицом интриг, предательства, преследований и угроз. Так Гус становится человеком на все времена, идеалом, устремлённым в будущее, наследие которого не знает конфессиональных и национальных границ.

Наиболее последовательный характер такое понимание сущности наследия Гуса приобрело в философско-исторических трудах выдающегося чешского мыслителя и политика конца XIX – первых десятилетий XX в. Томаша Гаррига Масарика²². Подлинной сутью гусизма, по Масарику, является гуманизм, понимаемый не как система взглядов учёных, писателей и художников эпохи Возрождения, современником многих из которых был Ян Гус, а как вневременная сокровищница ценностей, самым точным определением которой является понятие христианского гуманизма. Гусизм, писал Масарик в 1890-е гг., остаётся для чешского народа неосуществлённым национальным идеалом, поскольку после гибели Гуса, во время гуситских войн, чехи отошли от его наследия, встав, вслед за своими врагами, на путь насилия в попытках защитить свою свободу и переустроить общество на справедливых началах. Восходящий к Гусу чешский гуманистический идеал, подчёркивал Масарик, принципиально отличается от западноевропейского с его «односторонним культом науки и образования»; он строится на гораздо более широком и прочном фундаменте, в котором наука и религия, разум и чувство находятся в гармоническом единстве. Опираясь на наследие Гуса, Масарик разрабатывал государственную идеологию Чехословацкой республики, в которой, как он полагал, «любовь к ближнему должна стать социальным явлением».

Гуситское наследие занимало важное место и в государственной идеологии социалистической Чехословакии, обретя при этом новые грани. Наиболее рельефно они были представлены в работе видного чешского историка, ставшего в первые послевоенные годы президентом Чехословацкой Академии наук, Зденека Неедлы «Гус и наше время»²³, вышедшей в свет ещё в 1919 г. На ее страницах Ян Гус был назван рево-

---

²² См.: Мельников 2012. С. 186-193.

²³ Nějedly 1964.

люционером, сторонником коренного преобразования общества, основой которого должны были стать принципы социального равенства. Последовавшие после гибели Гуса события Неедлы называл революцией и видел в них попытку практической реализации его взглядов. Радикальное крыло гуситов (таборитов) он считал наиболее верными «последователями революционных идеалов Яна Гуса». Эта трактовка оказывала влияние на советскую и чехословацкую историческую литературу первого послевоенного десятилетия²⁴, но затем уступила место признанию Гуса представителем бюргерской оппозиции²⁵, которое опиралось на оценку, данную Ф. Энгельсом в работе «Крестьянская война в Германии».

Наряду с традицией, прославляющей Гуса и его подвиг, протяжении столетий продолжались попытки если не предать его имя забвению, то по крайней мере очернить его образ в памяти потомков. В «эпоху тьмы» при деятельном участии иезуитов была предпринята попытка борьбы с наследием Гуса в свойственном им духе: они попытались подменить стихийное народное почитание Гуса культом св. Яна Непомуцкого.

Воспитанник Пражского и Падуанского университетов, Ян Непомуцкий с 1389 г. являлся викарием Пражского архиепископства. 20 марта 1393 г. во время встречи короля Вацлава IV с архиепископом пражским Яном из Йенштейна в Храме Девы Марии под цепью король приказал схватить и заточить членов его свиты, в том числе Яна. От мучительных пыток в тюрьме он умер, а тело было сброшено в мешке с Карлова моста во Влтаву²⁶. Это убийство вызвало широкий резонанс. Оно стало основанием для свержения Вацлава с престола короля Германии. Об отношении к делу Яна Непомуцкого спрашивали на допросах на Констанцском соборе Яна Гуса. Почитание Яна Непомуцкого чешскими католиками началось ещё в XV в. К лику святых он был причислен в 1729 г. Замысел иезуитов состоял в том, чтобы оставить в народной памяти единый образ мученика, пострадавшего за веру в далёкие времена правления короля Вацлава IV. В 1786 г. была снесена напоминавшая о проповедях Гуса Вифлеемская часовня, а на освободившемся месте было построено два сарая для строительных материалов²⁷. Попытки предать забвению имя Гуса продолжались в течение долгого времени, однако успеха не имели.

²⁴ См., напр.: Мацек 1954. С. 47-51; Рубцов 1958. С. 70-71.

²⁵ Озолин 1962. С. 87; 1973. С. 7-20, 22-23, 31-40.

²⁶ Тело св. Яна было извлечено из Влтавы и впоследствии захоронено в кафедральном соборе святого Вита в Праге. По преданию, в том месте, где тело святого погрузилось во Влтаву, над водой возникло свечение в виде 5-ти звезд, поэтому он изображается с пятью звездами над головой.

²⁷ Здание Вифлеемской часовни было восстановлено в 1954 г.

Мощный импульс попыткам очернения образа Яна Гуса дал стремительный рост чешского национального самосознания в эпоху Славянского Возрождения. Наиболее резкие оценки высказывались в трудах австрийских историков середины – второй половины XIX в., которые пытались представить Гуса в облике непомерного честолюбца, заурядного плагиатора, одержимого ненавистью к немцам и ко всему немецкому вождя, неумело маскировавшего призывы к жестокой расправе над немцами религиозными лозунгами²⁸. Эта линия нашла продолжение в трудах немецких историков первых десятилетий XX в.²⁹ и достигла своей кульминации во времена гитлеровской оккупации Чехии, когда чешский народ и его история оказались под угрозой уничтожения.

В последние десятилетия как в Чехии, так и в России, нередко звучат более чем сдержанные оценки личности и деятельности Яна Гуса. В этом нельзя не видеть влияния политической конъюнктуры: фигуру Гуса как самоотверженного борца за национальную независимость и справедливое переустройство общества и церкви оттесняют на второй план фигуры святого Вацлава и Карла IV – поборников интеграции Чехии в западноевропейское культурное сообщество. Порой даже в работах чешских историков высказываются негативные оценки наследия Гуса и гусизма, наиболее отчётливо сформулированные в труде трёх авторов, выступивших под общим псевдонимом Подивен³⁰.

Впрочем, предложенное ими новое прочтение чешской истории, насколько можно судить по известным нам откликам, не нашло поддержки ни среди учёных, ни среди чешской общественности³¹. Как пишет в этой связи видный чешский исследователь гуситской эпохи М. Рансдорф: «Дух Белой горы не победит чешский народ. Народ, связанный с гуситской традицией, как писал великий чешский патриот, политик и историк Камил Крофта (1876–1945) в своей книге, которая вышла во время войны с огромным риском, БЕССМЕРТНЫЙ НАРОД. Так называлась книга великой любви и веры в чешские силы. Ян из Гусинца снова победит Яна из Непомука, а гуситство будет тем, чем было: ве-

²⁸ См.: Галямичев 1988. С. 21–34, 75–77.

²⁹ Руколь 1972. С. 510.

³⁰ Podiven. 2003. Под псевдонимом Подивен (так звали самого верного сподвижника св. Вацлава) выступили чешские политики и публицисты М. Отагал, П. Питгарт и П. Пржигода. Подивен продолжает линию очернения гусизма, зародившуюся в чешской историографии межвоенного периода, когда историки школы Й. Пекаржа выступили с концепцией гусизма как чешского большевизма (последний, равно как и первый понимался как абсолютно негативное явление, направленное на разрушение достижений культурного развития Европы).

³¹ См.: Havelka 2006. S. 59.

стью надежды, вестью грядущих дней»³². Свое понимание наследия Гуса Рансдорф изложил в главе под названием «Правда, которая освобождает». Оно, как полагает чешский учёный, не подвластно веяниям переменчивых времён. «Правда побеждает» – любимое изречение Гуса – становится ключевым для понимания его нашими современниками, объединяющим людей разных культур и общественно-политических взглядов: «Для Гуса правда является связующим звеном, если воспринимать разум и совесть как единое целое. ...Правда является не только следствием, но и мотивом действия»³³.

Трудно не согласиться с этими оценками, которые отражают восприятие образа Яна Гуса. Однако едва ли в осмыслении его наследия поставлена последняя точка. Образ Яна Гуса будет жить в исторической памяти чехов и других народов и в дальнейшем, обретая новые грани как в философско-историческом, так и в художественном осмыслении средневекового прошлого Чехии и Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аугамбаев М.А. Ульрих фон Гуттен и Иоганн Агрикола о деятелях гуситского движения // *Культура Возрождения XVI в. М., 1997. С. 73-82.*
- Блан Л. История французской революции. СПб., 1907. Т. 1.
- Галамичев А.Н. Гуситское движение в освещении либеральной немецкой медиевистики второй половины XIX века. Саратов, 1988.
- Галамичев А.Н. Гуситская тема в творчестве Жорж Санд // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв. Челябинск, 2011. С. 434-441.*
- Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
- История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978.
- История Чехии / Под ред. В.И. Пичеты. М., 1947.
- Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.
- Конрад Цельтис. О костре Иоанна Гуса // *Конрад Цельтис. Стихотворения. М. 1990. С. 257-258.*
- Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. – середина XIX в. М., 1963.
- Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962.
- Мацек Й. Гуситское революционное движение. М., 1954.
- Мельников Г.П. Ян Гус и гусизм в философии чешской истории Т.Г. Масарика // *Полвека в славяноведении. Сборник научных трудов, посвящённых юбилею заслуженного профессора МГУ Л.П. Лаптевой. М., 2012. С. 186-193.*
- Озолин А.И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962.
- Озолин А.И. Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Саратов, 1973.
- Радищев А.Н. О человеке, его смертности и бессмертии // *Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1938. С. 37-142.*
- Рубцов Б.Т. Ян Гус. М., 1958.

³² Ransdorf 1993. S. 60.

³³ Ibid. S. 51.

- Реизов Б.Г. Жорж Санд и крестьянско-плебейская революция в Чехии // Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970. С. 249-265.
- Руколь Б.М. Элементы утопического социализма у таборитов // История общественной мысли. Современные проблемы. М., 1972.
- Соловьёв Э. Непобеждённый еретик. Мартин Лютер и его время. М., 1984.
- Тютчев Ф.И. Гус на костре // Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987. С. 246-247.
- Шафф Ф. История христианской церкви. Т. VI: Средневековое христианство. От Бонифация VIII до протестантской Реформации. 1294–1517 г. по Р.Х. СПб., 2009.
- Havelka M. Die Debatten über den Sinn der tschechischen Geschichte 1895–1989 // Geschichtsschreibung zu den böhmischen Ländern im 20. Jahrhundert: Wissenschaftstraditionen, Institutionen, Diskurse / Hrsg. Ch. Brenner, K.E. Franzen, R. Luft. München, 2006.
- L'Enfant J. Histoire du Concile de Constance tirée principalement d'Auteurs qui ont assisté au Concile. V. 1–2. Amsterdam, 1714.
- L'Enfant J. Histoire de la guerre des Hussites et du Concile de Bale. Amsterdam, 1731.
- Machovec M. Husovo učení a význam v tradici českého národa. Praha, 1953.
- Nějedlý Z. Hus a naše doba. Praha, 1964.
- Podiven. Češi v dějinách nové doby (1848–1939). 2. vyd. Praha, 2003.
- Ransdorf M. Mistr Jan Hus. Praha, 1993.
- Stránský P. Respublica Bojema. Leyden, 1634.

REFERENCES

- Augambajev M.A. Ulrikh fon Gutten I Iogann Agrikola o dejateljakh gusitskogo dvizhenija // Kultura Vozrozhdenija XVI v. M., 1997. S. Культура Возрождения XVI в. М., 1997. S. 73-82.
- Blan L. Istorija frantsuzkoj revolutsii. SPb., T. 1.
- Galyamichev A.N. Gusitskoje dvizhenije v osveshchenii liberalnoj nemetskoj medievistiki vtoroj poloviny XIX veka. Saratov, 1988.
- Galyamichev A.N. Gusitskaja tema v tvorcestve Zhorzh Sand // Istorija I istoriki v prostranstve natsionalnoj i mirovoj kultury XVIII–XXI vv. Chelabinsk, 2011. S. 434-441.
- Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. M., 1977.
- Istorija v entsiklopedii Didro i d'Alamberta. L., 1978.
- Istorija Chekhii / Pod red. V.I. Pichety. M., 1947.
- Kondorse Z.A. Eskip istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma. M., 1936.
- Konrad Tseltsit. O kostre Ioanna Gusa // Konrad Tseltsit. Stikhotvorenija. M., 1990. S. 257-258.
- Kosminskij E.A. Istoriografija srednikh vekov. V v. – sredina XIX v. M., 1963.
- Lavrentij iz Brzhezovoj. Gusitskaja khronika. M., 1962.
- Matsek J. Gusitskoje revolutsionnoje dvizhenije. M., 1954.
- Melnikov G.P. Jan Gus i gusizm v filosofii cheshskoj istorii T.G. Masarika // Polveka v slavianjvedenii. Sbornik nauchnykh trudov, posvjashchennykh jubiliuju zaslužennogo professora MGU L.P. Laptevoj. M., 2012. S. 186-193.
- Ozolin A.I. Iz istorii gusitskogo revolutsionnogo dvizhenija. Saratov, 1962.
- Ozolin A.I. Bjugerskaja oppozitsija v gusitskom dvizhenii. Saratov, 1973.
- Radishchev A.N. O cheloveke, jego smertnosti i bessmertii // Radishchev A.N. Poln. sobr. soch. T. 2. M.; L., 1938. S. 37-142.
- Reizov B.G. Zhorzh Sand i krestjansko-plebejskaja revolutsija v Chekhii // Reizov B.G. Iz istorii evropejskikh literatur. L., 1970. S. 249-265.
- Rubtsov B.T. Jan Gus. M., 1958.

- Rukol B.M. Elementy utopicheskogo sotsializma u taboritov // Istorija obshchestvennoj mysli. Sovremennyye problemy. M., 1972.
- Solov'ov E. Nepobezhdjonnij jeretik. Martin Ljuter i jeho vremena. M., 1984.
- Tjutchev F.I. Gus na kostre // Tjutchev F.I. Polnoje sobranije stikhotvorenij. L., 1987. S. 246-247.
- Shaff F. Istorija khristianskoj tserkvi. T. VI: Srednevekovoje khristianstvo. Ot Bonifatsija VIII do protestantskoj Reformatsii. 1294–1517 g. po R. Ch. SPb., 2009.
- Havelka M. Die Debatten über den Sinn der tschechischen Geschichte 1895–1989 // Geschichtsschreibung zu den böhmischen Ländern im 20. Jahrhundert: Wissenschaftstraditionen, Institutionen, Diskurse / Hrsg. von Ch. Brenner, K.E. Franzen und R. Luft. München, 2006.
- L'Enfant J. Histoire du Concile de Constance tirée principalement d'Auteurs qui ont assisté au Concile. V. 1-2. Amsterdam, 1714.
- L'Enfant J. Histoire de la guerre des Hussites et du Concile de Bale. Amsterdam, 1731.
- Machovec M. Husovo učení a význam v tradici českého národa. Praha, 1953.
- Nějedlý Z. Hus a naše doba. Praha, 1964.
- Podiven. Češi v dějinách nové doby (1848–1939). 2. vyd. Praha, 2003.
- Ransdorf M. Mistr Jan Hus. Praha, 1993.
- Stránský P. Respublica Bojema. Leyden, 1634.

Галямичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; galyamichev57@mail.ru

Jan Hus in the historical memory of the peoples of Europe

The article demonstrates what factors influenced the interpretations of the life, work and legacy of Jan Hus during the six centuries after his tragic death on 6 July 1415: in periods of the Renaissance, the Reformation, the Counter-Reformation, the Enlightenment, and the Romanticism. The special attention is paid to the interpretation of the Hus' legacy by the Czech historical and political thought of the 19th – 20th and the 21st centuries.

Keywords: Jan Hus, historical memory, Hussite heritage, historical thought in Europe.

Alexander Galyamichev, DrSc (History), Professor, Institute of History and International Relations, Saratov State University; galyamichev57@mail.ru